

СОЦИОЛОГИЯ И ОБЩЕСТВО

Познавательные средства анализа новой реальности обществ третьего модерна*

В. Г. ФЕДОТОВА

(Институт философии РАН),

Л. Н. ФЕДОТОВ, О. Н. КИТАЕВА

(РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СОЦИАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ, ФИЛИАЛ В Г. ПЕНЗЕ)

Статья посвящена познавательным средствам анализа новой реальности обществ третьего модерна. Среди них концепты Э. Гидденса «ускользающий мир» и З. Баумана «текущая современность», а также феноменологический метод анализа повседневности З. Баумана.

Ключевые слова: первая современность, вторая современность, третья современность, текущая современность, убегающий мир, категории, метафоры, феноменологический метод, повседневность, глобализация.

В данной статье мы продолжаем обсуждение категорий и методов социологии и социально-гуманитарных наук в целом, которые более адекватны меняющейся социальности, новым проявлениям социально-культурной динамики, включающей нелинейность, изменчивость, риск, новые проблемы нехватки энергии, изменения климата, проблемы человека. Мы уже рассмотрели категории, введенные для этой цели английским социологом Дж. Урри (Федотов, Китаева, 2013). Существенный методологический вклад был внесен разработкой концепций внеэкономического капитала и превращения *метафор* «социальный капитал», «человеческий капитал», «культурный капитал», «символический капитал», а также соответствующих видов потенциала в *понятиях*, которые сегодня помогают снятию

многих неопределенностей и успешно применяются не только западными авторами, но и многими отечественными исследователями: В. П. Веряскиной, М. К. Горшковым, Н. Е. Тихоновой, Л. Н. Федотовым. Сошлемся на последнего, поскольку он — соавтор данной статьи (Федотов, 2011a; 2011b).

В данной статье предметом рассмотрения станут понятия Э. Гидденса «ускользающий мир» и З. Баумана «текущая современность», которые характеризуют новый виток модерна и стремления к нему модернизирующихся стран. Как мы уже неоднократно показывали, современность (*modernity*) проходила три этапа. В XIX в. был этап первой либеральной современности, затем был кризис, вызванный Первой мировой войной. После нее в XX в. наступила вторая организованная современ-

* Статья подготовлена при поддержке РФФИ (грант № 12-06-00240-а «Концепции внеэкономического капитала как фактор повышения комплексности исследования современной социокультурной динамики») и РГНФ (грант № 12-03-00564 «Взаимоотношение культуры и модернизации в современных проектах и процессах развития»).

ность, ее кризис пришелся на 1960–1980-е годы, также был период спора о том, продолжится ли модерн или наступило время постмодерна. В 1990-е были попытки в посткоммунистических странах продолжить либеральную модель XIX в., не увенчавшиеся успехом. В 2000-е годы утвердился новый третий модерн, называемый нами новым Новым временем для незападных стран (Федотова, Колпаков, Федотова, 2008: 536–558). Подобно Западу в Новое время мир вступил в аналогичный процесс, вовлекший незападные страны.

В УСКОЛЬЗАЮЩЕМ МИРЕ ТЕКУЕЙ СОВРЕМЕННОСТИ

Известный английский социолог Э. Гидденс изложил свою позицию в книге «Ускользающий мир», опубликованной им на основе прочитанных лекций и изданной в 1999 г. Гидденс — убежденный модернист. Он отстаивает модернистскую позицию во всех своих работах. Обычно подобная позиция такого рода вряд ли совместима с идеей ускользания мира. Поэтому с самого начала обратим внимание на то, что Гидденс чувствует наступление Нового (третьего) модерна, для которого подобная метафора окажется приемлемой. После догоняющей модели модернизации, пытающейся имитировать западный путь в незападных странах, возникла новая теория модернизации, представленная в работах Ш. Айзенштадта и С. Хантингтона, Л. Харрисона, где отмечалось, что модернизация затронула незападные страны и поставила перед ними задачи учета собственной культуры. Как говорится в одной из книг, «культура имеет значение» (Культура имеет значение..., 2002). Это значит, что признается множественность модернизаций, осуществляемых в условиях разных культур. Прежнее понимание модернизации, которой Гидденс посвятил много работ, коренным образом отличалось от тех ее новых тенденций, которые отметили три вышеуказанных автора, не являющихся постмодернистами. Л. Харрисон в упомянутой книге говорит об универсальном значении ценностей и необходимости противостоять культурному империализму Западу (там же: 26–28), т. е. убеждению, что опора на свою культуру отли-

чается отсталостью и несовместима с модернизацией.

Гидденс оказывается перед выбором — остаться ли на позициях модернизма, в чем его упрекает постмодернист Дж. Александер, называя проponentом модернизации, признать ли модернизм более невозможным, перейти ли на позиции постмодернизма или найти новые формы модернизма. Он предпочитает последнее.

Гидденс предложил в 2000-е годы концепцию «третьего пути», которая успешно воплотилась в политике Т. Блэра и провалилась в политике Г. Шредера в Германии, а также в политике Франции. «Третий путь» — более смягченный путь дальнейшей модернизации самого Запада, его отхода от «догм» модернизации, действовавших пятьсот лет, и передачи многих задач модернизации гражданскому обществу. В перспективе политика «третьего пути» может быть применена и к незападным странами.

Гидденс показывает, что об изменениях мира говорили с давних пор, и задается вопросом, оправданно ли в связи с этим считать верными утверждения о радикальных переменах в сегодняшнем мире. Его ответ: «Так ли уж отличается от прошлых времен мир, в котором мы живем, — мир конца XX столетия (и начала XXI в. — *Авт.*)? Да, отличается. Существует немало объективных оснований считать, что мы переживаем важный с исторической точки зрения переходный период. Более того, затрагивающие нас перемены не ограничиваются каким-то одним регионом земного шара, они происходят почти повсеместно» (Гидденс, 2004: 17).

Решающий шаг к новой трактовке модернизма Гидденс делает в работе «Ускользающий мир». Как глобализация меняет нашу жизнь» (там же). «Ускользание» происходит из-за перемен в мире, неадекватности старых способов познания, потребности изменить представления о мире: он перестает быть рационально-прозрачным, каким его видело Просвещение, предсказуемым и подвластным человеку, как считали до недавнего времени, восхищаясь успехами науки. В нем, отметим, мегатренд модернизации сменяется мегатрен-

дом глобализации, а модернизации ввиду их множественности становятся локальными трендами (Глобализация и модернизация..., 2002: 10–13). Глобализация является наиболее существенным изменением, которое вносит космополитический элемент в локальный социум, связывает мир, не отменяя локального и конфликтов по поводу связи глобального и локального. Появляется озабоченность о будущем, которое уже не кажется предсказуемым. Возникают риски, которые представляют собой не просто опасности, а адекватны испанской этимологии термина «плавание в незнакомых водах» (Гидденс, 2004: 38). Риск, который всегда рассматривался как негативный фактор, при всем своем увеличении и даже неизбежности сегодня несет и позитивные черты: «В традиционных культурах концепции риска не было, потому что они в ней не нуждались. Риск — это не то же самое, что опасность или угроза. Понятие риска связано с активным анализом опасности с точки зрения будущих последствий. Оно широко используется лишь в обществе, ориентированном на будущее... Более того, позитивное отношение к риску — это источник энергии, создающей богатства в современной экономике... Современный капитализм внедряется в будущее благодаря тому, что оценка будущих прибылей и убытков, а значит и риска, превращается в непрерывный процесс» (там же: 39–41). Прогресс начинает пониматься не как общее направление развития всех стран, а как многообразие путей, по которым идет человечество для улучшения своей жизни (Меняющаяся социальность..., 2010: 146–151).

Гидденс показывает, как меняется все. Происходит изменение сознания, нравов, обычаев, интимности, семьи. Сегодня тот, кто решается вступить в брак, подобен, по мнению Гидденса, первопроходцу, так как семья изменилась, и люди не знают, куда они вступают.

Если добавить к этому господство виртуальных реальностей, Интернета, новые приоритеты мифологизированной фантастики в кино, то разрыв поколений покажется проходящим прямо сейчас. Это разрыв между от-

цами и детьми. Еще совсем недавно, во второй организованной современности XX в., два-три поколения не знали резких разрывов. Сегодня они четко обозначены. Ориентация российского образования на упрощение грозит создать пропасть между поколениями.

Таким образом, не отступая от своего имиджа модерниста и продолжая ориентироваться на модернизацию, Гидденс находит в сегодняшней современности (мы называем ее третьей современностью, являющейся новым Новым временем для незападных стран) значительные изменения и перспективы изменений, которые иногда ускользают от нас и делают сам мир ускользающим.

З. Бауман находит для этих процессов иную метафору — «текущая современность» (Бауман, 2008). Под текучестью он понимает свойство жидкости, которая в отличие от твердых тел не держит формы. Он, как и Гидденс, знает всю метафоричность своих диагнозов состояния и перспектив общества. Но то, что сегодня приходится обращаться к метафорам, говорит о слишком многообразных изменениях, не схватываемых существующими понятиями.

Бауман, почти так же как и Гидденс, задается вопросом о том, не преувеличиваем ли мы характер и скорость изменений, ускользание современности или ее текучесть: «Я охотно соглашусь с тем, что такое утверждение (о текучести современности. — *Авт.*) может вызвать замешательство у любого, кто свободно ориентируется в «дискурсе современности» и знаком с понятиями, обычно используемыми при изложении современной истории. Разве современность с самого начала не была процессом «разжижения»? Разве «растопливание твердых тел» (традиционных обществ. — *Авт.*) не было основным занятием и высшим достижением? Другими словами, разве современность не была «текучей» с самого начала?» (там же: 9). Его ответ состоит в том, что, растапливая твердые тела традиционного общества, современность не стремилась стать текущей, жидкой (второй перевод нам кажется лучше, но книга Баумана переведена как «Текущая современность». — *Авт.*), а строила новые «твердые тела».

Самым «твердым телом» традиционного общества была традиция, самым «твердым телом» современности стала экономика. По мнению Баумана, твердость современности поначалу оказалась больше, чем «твердость тел» традиционного общества, расплавляемая современностью. Это делалось с целью построения лучшего общества. Но признаком сегодняшней текучей современности является то, что она не ставит целью установить лучший порядок. Со ссылкой на У. Бека Бауман отмечает, что сохранились «категории-зомби», которые уже не живы. Но еще не умерли. К ним относятся «семья», «класс», «соседи». Изменилось представление о времени. Сегодня не имеют значения слова «близко» и «далеко». Действительно, глобализация и технологии сблизили пространства. Путешествия, аутсорсинг, торговля, обмены людьми сделали мир более тесным. Происходит изменение скорости движения, достигающей уже своего естественного предела. Во многом это «вызывает побуждение столь многих толкователей говорить о «конце истории», постмодернизме, «второй современности» и надсовременности или иным образом формулировать интуитивное понимание радикальных изменений в устройстве человеческого общежития» (там же: 17). Мы говорим о третьей современности (модерне). Бауман же говорит о «текучей современности».

Итак, Гидденс был и остался модернистом. Бауман был постмодернистом, стал модернистом. Оба они говорят о новом модерне. Что же побуждает их к этому, хотя новый модерн, скорее, несет в себе ряд черт того, что называли постмодерном в 1970–1980-е годы. На наш взгляд, коренным отличием модерна от постмодерна является серьезность намерений, отсутствие иронии, присущей постмодернизму по поводу своих целей, направленность на достижения, прежде всего, экономические. Нельзя стать чемпионом глобализации в экономике, как этого добился Китай, иронически относясь к этой цели, как Запад, получивший новых соперников, локальные войны и революции, приводящие в действие радикальные исламские силы. Запад ощутил те риски плавления в новых водах, которых он сам ранее не

предполагал. Он потерял свою прежнюю иронию. Он сознает имеющиеся угрозы и риски. Основная литература о постмодернизме вышла в конце XX в., новых книг о нем почти нет.

Есть некоторые извлеченные уроки из постмодернистской критики модернизма. Это — критика радикализма модернизма в искоренении традиции. Это — критика модернизации в форме догоняющей модели, для которой имеет значение только культура Запада, а не своя собственная, требования рекультивации в либеральных версиях модернизации незападных стран по образцу Запада. В современных теориях модернизации дан убедительный ответ на эту критику:

— появилась *«третья современность»*, определяемая — новое Новое время для незападных стран. Подобно тому как неоднородный и имеющий многообразие культур Запад вступил в модернизацию в Новое время, преобразовав себя и сформировав свою культуру на базе Ренессанса, Реформации и Просвещения, сегодня культурно многообразный не-Запад пытается модернизироваться как на общих основаниях незападных культур — ценностной рациональности, коллективизме, способности к имитации, трудолюбию, дешевой рабочей силе, так и на специфике культуры регионов, например конфуцианской этики. То есть «твердые тела» незападного мира — традиции и культура — не разжижаются модернизацией третьего модерна, а к ним добавляются «твердые тела» модерна, сложившегося на Западе — экономика, хозяйственная рациональность, консьюмеризм;

— текучесть и разжижение на Западе — отчасти новая фаза третьей современности, когда Запад отодвигается с ведущих позиций чемпионами развития среди незападных стран, отчасти же — продукт чрезвычайной экономической рациональности и самоуверенности Запада, по отношению к которым нарастает религиозная, культурная, экологическая оппозиция;

— *фактор культуры и наличие традиций* начинает пониматься не как *препятствующий модернизации*, а *необходимый для ее осуществления* в незападных странах. Это хорошо видно в Китае, Южной Корее и других

странах. Между тем, несмотря на это, в данных странах наблюдаются проблемы, связанные с упрощением и разрушением культуры, не выдерживающей давления экономических прерогатив;

— Россия, прошедшая в 1990-е через нео-модернизм — либеральный революционный проект, в котором «иногое дано», заплутала в «текучести» общества и «убегающем мире», возникших на Западе из-за радикализма предшествующих фаз модернизации, а у нас из-за последствий модернизационного радикализма, приведшего к *архаизации, дающего нам уже «жидкие структуры» традиционного общества, разрушенные предшествующей модернизацией, но не давшей «твердых тел» предшествующих модернизаций, а потому и фактического сходства ни с Западом, ни с успешными в модернизациях незападными странами*. Мы разрушили старое, не создав нового. Мы не можем считать себя равным Западу в «текучести» и «убегающем мире», поскольку *природа наших реалий — разрушенность, в том числе и культуры, а не просто трудности новой фазы третьего модерна*. Мы должны вступить в поток развития по логике третьего модерна — нового Нового времени для незападных стран, используя историческую культуру, архетипы народа как предпосылку модернизации и преодолевая разрушенность самой культуры;

— мы скорее воспринимаем черты западно-модернизирующегося общества Э. Гидденса и З. Баумана как возможные черты не новой фазы современности, а неготовности к ней Запада. Нынешнее состояние во всех своих формах — *перенапряжения на Западе, разрушенности в России или проблематизируемой возможности в успешных незападных странах* вряд ли окажется сутью новой третьей современности, а, скорее, станет проблемой, которую она будет решать.

ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЙ МЕТОД В АНАЛИЗЕ ПОВСЕДНЕВНОСТИ ТРЕТЬЕГО МОДЕРНА

Особенностью текущего времени «текучей» современности является чрезвычайная скорость перемен. Повседневность всегда отличалась достаточной устойчивостью. Она

подвергалась быстрым изменениям в период войн, массового голода, различного рода катастроф, но быстро восстанавливалась.

Феноменологический метод начал успешно применяться для анализа проблем современности и практической помощи в их решении после Первой мировой войны в научной и общественной деятельности А. Щюца. Солдаты, возвращающиеся домой, и их семьи не понимали друг друга, так как реальность войны и реальность дома были просто несовместимы. И Щюц выступал по радио, призывая к терпению, к пониманию разрыва в жизни поколений (Щюц, 2004).

В годы кризиса второго организованного модерна дискуссии о конце модерна и перспективах постмодерна появилась работа П. Бергера и Т. Лукмана «Социальное конструирование реальности» (Бергер, Лукман 1995), в которой был предложен феноменологический путь выхода из кризиса ценностей и мировоззренческих трудностей с помощью таких феноменологических процедур, как типизация (разделение плохого и хорошего), хабиутуализация (опривычивание хорошего), институционализация (институциональное закрепление искомым ценностей) и легитимация (передача ценностей следующим поколениям (там же; Федотова, 2005: 442–476).

Метод З. Баумана состоит в констатации сдвигов повседневной жизни на основе изучения самих феноменов, явлений повседневности, а не их сущности, их фиксации, обозначении и сравнении с прошлым и иногда с прогнозированием будущего. Поскольку его книга 2010 г. «44 письма из текущей современности» (Bauman, 2010) пока не переведена на русский язык, сообщим читателю, что именно заметил Бауман в сегодняшнем мире, в котором мы живем, не замеченного другими.

В этой книге Бауман развивает свои прежние идеи о текущей современности, спрашивает о том, когда мы научимся отличать важное, существенно новое от ложной тревоги. Текущий мир продолжает изменяться, и мы ощущаем это, оставаясь даже на прежнем месте.

Бауман обращается к истории известного немецкого философа и социолога В. Беньямина о том, что и как рассказывают людям, с од-

ной стороны, моряки и, с другой стороны, крестьяне. Моряки говорят о путешествиях, неведомых мирах, приключениях, драконах. Их рассказы живописны, интересны и необычны. Крестьяне рассказывают об обычной жизни, трудах, заботах, семье, урожае в самом повседневном духе. Сегодня рассказ моряка не отличался бы, считает Бауман, от рассказа крестьянина. В рассказах моряков было бы меньше экстраординарности, а в рассказах крестьян, чуть спрятанная, она бы все же была. Действительно, на только что прошедшем Московском экономическом форуме в МГУ (20–21 марта 2013 г.) в докладе главы сельскохозяйственного кооператива из-под Екатеринбурга было сообщено о стольких приключениях и необычных вещах, что моряку было бы трудно состязаться с крестьянином. Истории повседневной жизни содержат сейчас много экстраординарности, которую мы не всегда замечаем. «Если мы хотим, чтобы они стали известными нам, то очевидно, что знакомые вещи надо воспринимать как странные» (перевод наш. — *Авт.*) (там же: 3–4).

Знаменитый социолог назвал свои эссе письмами, рассматривая их как остановки в путешествии по незнакомой повседневности. Он выбрал 44 остановки потому, что у великого польского поэта А. Мицкевича есть персонаж с таким именем (44), и потому, что 44 очень красиво звучит по-польски. А Бауман — поляк, живущий в Лондоне. Об этом он сообщает в первом письме. Когда-то он жил и в Москве.

Во втором письме он говорит о заполненном толпами одиночестве. Он не первый из тех, кто отмечает это. Одним из тех, кто не так давно поднял эту тему, является американец Т. Фридман в книге «Горячий, плоский и переполненный толпами» (Friedman, 2008).

В третьем и десятом письмах Бауман пишет о родителях и детях. Они поменялись местами. Дети живут в мире, неизвестном родителям, и могут дать им советы. То, что кажется нормальным младшей возрастной когорте, воспринимается взрослыми как странное, лицемерное, нелегитимное.

В периоды прежнего модерна (первого и второго) была паника из-за резкого возрас-

тания власти родителей в ходе выполнения ими обязательств по отношению к детям. Этой властью они могли даже злоупотребить. Паника текущей современности (в наших терминах — третьего модерна) состоит в том, что взрослые освободились от своих прежних обязательств по отношению к детям, которые более свободны и находятся в коммерческих отношениях с родителями. К этому примыкают одиннадцатое письмо о тратах подростков и двенадцатое — о различии поколений.

Подростки тратят деньги на мобильники, гаджеты, плееры, прически. Соблазнами для них являются музыкальная продукция, кино. Это было недоступно родителям, но недоступное осталось в их памяти. Сегодняшним подросткам важен момент покупки, возможность покупки. В их памяти не остается ничего. Приобретенное теряется, ломается, после чего появляется снова мечта о покупке нового.

Двенадцатое письмо называется «Подкрадывающееся поколение Y». Автор показывает, что беби-бум 1949–1964 гг. (большое количество рождений после Второй мировой войны) привел к появлению поколения, о котором очень заботились родители. Они работали и старались обеспечить детям этого поколения благополучие, жили для своих детей, стремились им дать то, чего не было у других. Их дети — поколение X, сейчас им 28–45 лет, они родились в ином мире, чем их родители, — в более мирном, более обеспеченном, более безопасном, и сегодня они озабочены новой реальностью, стремлением потреблять. Новое поколение — поколение Y (дети этих детей 11–28 лет) отличается от поколения родителей и поколения бабушек. Их мира не могли бы представить себе ни деды, ни родители. Мир безраздельного выбора, свободная яркая жизнь. Конечно, Бауман берет обеспеченных людей западного общества, на которых похожа и часть российской молодежи, но необеспеченные имеют идеал такой жизни и рвутся к нему любым путем. Работа у них находится на последнем месте списка их желаний. На наш взгляд, криминал в России, агрессивность по отношению к родителям, не обеспечившим такой жизни, питается этой инновацией вседозволенности. К этому добавляется описан-

ная в письме тринадцать безответственная жизнь молодых в кредит, жизнь в мире долгов, в четырнадцатом — шестнадцатом письмах — приход гламурной и капризной женщины-ребенка с взмахом ресниц и страха жить без омолаживающего средства — ботокса.

Бауман обсуждает в четвертом письме жизнь в Интернете, виртуальную свободу и отвыкание от ответственности. Консьюмеризм описан у него в семнадцатом письме. Большое место в работе занимают письма о падении интимности, о ее публичности, об отсутствии приватности в жизни звезд.

Как прекрасно, беззаботно живет новое поколение, но, заметим, обездоленная его часть озлоблена: значительная часть живет так, как жили их родители, но им не достаются описанные блага, затруднено получение образования, они часто не находят работы, и даже им приходится воевать. Особенно это относится к регионам России, где имеются подобные стремления молодежи, но нет условий для них (Китаева, 2011). *Что же будет с теми, кто так счастливо, беззаботно живет, не думая ни о ком? Тут прорывается страшный прогноз. Они ни к чему не приспособлены, не готовы. В случае беды они не выдержат, сломаются, потерпят поражение. Может быть, это один из пунктов «путешествия» Баумана, как и консьюмеризм, где сломался его постмодернизм с равноценностью всех образов жизни и привел его к текучей, но все же современности.* Современность как раз серьезна, не обладает иронией, ищет идеалы, отличается должное от сущего.

Последний раз Бауман называл себя постмодернистом с 1992 по 1997 г. (Bauman, 1992; 1993; 1995; 1997). Ряд причин привели его к отказу от постмодернизма. Среди них, по его собственному признанию, излишнее согласие постмодернизма с разрывами с прошлым, с особенностями теоретизирования, применяемыми в эпоху современности; постмодернизм прикрепил себя к осмыслению плюсов и минусов модерна; а также субъективное предпочтение работать в самостоятельном направлении, так как постмодернизм стал обозначать мир, освободившийся от своих пут, а не ограничения. *Баумана не устраивала прежде всего,*

как нам кажется, идеология восхищения постсовременным миром, и в попытке его не только принять, но и продолжать изменять, что присуще модернизму, Бауман перешел на концепции модернизма, претерпевшего изменения в сторону большей «текучести».

В письме восемнадцатом Бауман пишет, что культурная элита раньше являлась авторитетом в различении подходящего и неподходящего во всех культурных вещах и давала образцы образованности, вкуса, успеха, знания определенных стандартов. Сегодня уже нельзя найти культурные элиты, которые ходят в оперу, слушают классическую музыку и презируют массовую культуру. *В текучей своей фазе культура является характеристикой индивидуальной свободы выбора и обслуживает эту свободу.* Культура в консьюмеристском обществе представляет собой предложения, а не нормы. *Нет людей, которых культура возделывает, а есть клиенты, которых надо соблазнить, подобно тому, как соблазняют медицинскими средствами для похудения, фитнеса,* утверждает Бауман в письме девятнадцатом.

Свиной грипп создал причины для паники, мы боимся глобализированных болезней. Вирус невидим, можно доверять только экспертам (двадцатое письмо). Продолжение темы в двадцать первом письме — здоровье и неравенство с сюжетом о преимуществе богатых в преодолении болезни. Автор критикует самые богатые страны, говоря о том, что неравенство здесь особо велико, но болезнь не избегает и богатых. Происходит увеличение расходов на здоровье и увеличение продолжительности жизни, а *растущий уровень неравенства оказывает на здоровье крайне негативное влияние. Неравенство предстает как социальная болезнь.*

В двадцать втором письме «Быть предупрежденным» речь идет об экологической, консьюмеристской, демографической и других растущих в своем количестве «бомбах», «бомбе» неравенства, витальной «бомбе» (ожидаемой продолжительности жизни в разных классах, разных странах, экзистенциальном неравенстве, когда свобода действия определенных категорий людей ущемляется). Надо услышать тиканье этих бомб.

В трех письмах об образовании (двадцать третьем, двадцать четвертом, двадцать пятом) Бауман отмечает, что мир недружественен к образованию, существует кризис образования. В нашем мире постоянных изменений такие присущие прежде образованию качества, как укорененные привычки, твердые когнитивные схемы и стабильные ценностные представления, воспринимаются как недостатки на рынке знания, на котором, как на любом рынке, лояльность, неразрушимые связи и долгосрочные обязательства предаются анафеме. Мало что может быть сделано с этим направлением формирования образовательных стратегий. *В этом новом мире ожидается, что люди будут искать частное решение социально генерированных проблем, а не как раньше, когда искали социально-генерированное решение частных проблем. Раньше, когда была «твердая» фаза модернити, а не текучая, как сейчас, было четкое разделение между правильным и неправильным, создавались санкции для неправильного и поддерживали правильное направление. «Твердая» современность была всеобъемлющей, жестко управляемой и надзираемой, в своей «текущей» стадии такие менеджерские функции уже никому не нужны; подчиненные все больше стараются вести себя так, чтобы заслужить симпатию боссов. Продается различие, а не сходство, способность быть самим собой, а не как все. Недостаточно иметь знания, полученные путем образования, и навыки, необходимые для данной работы и имеющиеся у уже работающих и тех, кто устраивается на работу. Нужны необычные идеи, исключительные проекты, которые еще никто не предлагал и, главное, «кошачья походка, которой Вы идете своим собственным путем» (Bauman, 2010: 98). Текучая современность нуждается в особом знании: от наставников ожидается, чтобы они научили ходить, как кошка, а не в знании, выводящем на уже переполненную общую дорогу. И платить будут за эти новые способности. Модус знания: «как», а не «что». И это, на наш взгляд, характеризует направленность социальных проектов, равно как выдвигает талант на ведущее место, и не означает уход от фундаментальной науки, так как технологическое применение фунда-*

ментальных наук — суть общества знания. Но мы в России в смысле образования находимся прямо-таки в «затвердевшей современности», только одни плохие «твердые тела» заменяются худшими и «более твердыми», а не «жидкими», «текучими». Необходимо в течение всей жизни обновлять информацию о состоянии дел, иметь непрерывное образование, разрабатывая собственную персональность.

Огромные объемы информации ставят людей в тяжелые условия. Массивность аккумулярованного знания становится причиной беспорядка и хаоса, так как в ней растворились все механизмы упорядочения. Масса знания, представленная для нашего употребления, так велика, что лишена качественных характеристик и предстает, скорее, как количественная. Раньше не было задачи, возникшей теперь, — жить в мире, перенасыщенном информацией.

Следующая «остановка» в путешествии по повседневности — письмо двадцать шестое о прежних Новых годах и новом Новом годе. Каждый Новый год мы отмечаем, чтобы остановить наши потери и начать все заново, сбросить баланс прошлого и создать новое будущее. Мы празднуем наши надежды, даем новогодние обещания стать лучше, но повтор этих обещаний из года в год не помогает, хотя сохраняется вера, что какой-нибудь Новый год даст новый шанс. Но время стало более турбулентным, и эта привычная цепь обрывается.

За этим следует двадцать седьмое письмо о предвиденном и непредвиденном: прогноз погоды дает только сама погода, предположения чаще не верны. Системы усложнились настолько, что маленькое возмущение может вызвать катастрофу («эффект бабочки»). Комплексная система не предсказуема, будущее не предсказуемо, не известно, ибо в каждый момент больше чем одна дорога ведет в будущее. Берлинская стена, развал СССР похожи на землетрясения, результаты которого трудно предсказать. В письме двадцать восьмом «Просчитываемая непросчитываемая» говорится о категории риска, которая не обещает полной безопасности, но обещает вероятность угрозы, и таким образом попытке противостоять рискам при подсчете вариаций наиболее

успешных действий. Сегодняшняя неопределенность всего укоренена в глобальном процессе, и задача восстановления отсутствующего баланса переменных может быть решена только на глобальном уровне, поскольку риск стал глобальным.

«Скрученные траектории фобий» двадцать девятого письма говорят о страхах и требованиях оборонительных мер против вредных воздействий. Но парадоксально, что действия, предпринимаемые для того, чтобы спастись от страхов, формируют «твердые основания» новых фобий, «фобофобий», характерных для «текучей», «жидкой» современности.

Междущарствие тридцатого письма — это описание ситуации, когда старый порядок умирает, а новый еще не приходит. Суверенитет уменьшается. Вся планета находится в состоянии междущарствия. Ни у одного принимающего решения субъекта нет полного суверенитета. Это — результат глобализации. Капитал, товары, наркотики, мафии уходят из-под контроля политических институтов, становятся глобальными.

В тридцать первом письме речь идет о божественном и сверхчеловеческом. Раньше это были Бог и история. Сегодня происходит религиозизация политики. Будущее двух претендентов на статус сверхчеловеческой силы — религии, похожей на политику, и политики, похожей на религию, — переплетено с будущим человеческой неопределенностью, усиленной «текучей современностью» в двух направлениях — коллективной и индивидуальной неопределенности. Наше одиночество во Вселенной, отсутствие высшей апелляционной структуры с властными полномочиями создают новые фобии. «С этой перспективы кажется, что Бог умрет вместе с человеком, но ни секундой ранее» (там же: 127).

Вопрошая в тридцать втором письме, возвращается ли домой человек, Бауман имеет в виду вопрос о будущей работе человека, обсуждает проблемы безработицы. Логика семейной жизни, по его мнению, столкнется с логикой экономики, которая вызовет безработицу в период депрессии. Это потребует бегства от кризиса (тридцать третье письмо). Однако вопрос о том, есть ли конец депрес-

сии, остается (тридцать четвертое письмо). Но мы знаем, что кризис не закончился. Старшее поколение верит в преодоление депрессии и улучшение экономики в течение года, а среди людей младше 30 лет только каждый десятый разделяет оптимизм старших. А среди людей моложе 30 полностью отсутствует надежда на выход экономики из кризиса через год.

На вопрос, кто сказал, что нужно жить по правилам, Бауман отвечает в тридцать пятом письме. Кто сказал, что работа выше отдыха? Новое понимание мира, отрицающее правила, предпочтение отдыха работе стало своего рода культурной революцией. Многие люди требуют понимать свободу как то, что подходит именно тебе, а не другим людям, предпочтения порядка, в котором правит эгоизм, перевешивают желание порядка, основанного на солидарности. Это требует отсутствия фиксированных мест работы.

Обсуждая культуру глобального города, Бауман обращается к имеющимся моделям миграции в период глобализации. Первая волна миграции была связана с территориальностью суверенитета, укорененной идентичностью и позицией цивилизующей миссии белых людей. Вторая волна миграции — с развалом колониализма: многие люди разного культурного уровня из бывших колоний направились в метрополию. Третья волна миграции набирает силу, и впереди ее расцвет — эпоха диаспор. «Прежние типы миграции заменились на принцип экстерриториальности, якоря сменили корни и стали главными инструментами идентификации» (там же: 151). Жизнь с диаспорами ставит вопрос о жизни с различиями, о праве быть другим. Проблема миграции разбирается в нескольких письмах.

В сорок втором письме Бауман рассматривает, как нормальные люди становятся дьяволами, на примере американской тюрьмы Абу-Грейб в Ираке. Американцы, нормальные люди, не монстры, проявили черты садизма по отношению к иракским пленным. Автор ссылается на Фуко, который говорит, что мы как художники создаем произведение — свой жизненный путь, но этот пример недоброй воли не дает полностью предаться «творчеству», подобному описанному.

В сорок третьем письме обсуждаются судьба и характер. Бауман говорит о властвовании судьбы, если нет характера, и если он есть — о властвовании характера над судьбой, поскольку человек не может вести себя иначе, чем ведет.

Последнее письмо «Альбер Камю, или я восстаю, следовательно, мы существуем» показывает несогласие Баумана со многими чертами «текучей», жидкой современности, его надежду на изменения и свое участие в них. Это еще раз подчеркивает для нас причины его разрыва с постмодернизмом. Комбинация принятия и восстания, Сизифа и Прометея Камю, один из которых воплощает заботу о красоте, а другой — заботу об униженных, должны быть ограничены, чтобы не превратились в тиранию.

Принадлежа к поколению воевавших во Второй мировой войне, добровольцем ушедший на фронт, Бауман оказался не в восторге от каждой из 44 остановок своего путешествия. Многим из этих остановок он посвятил отдельные книги (напр.: Bauman, 2008). Но в чем он остался непреклонен, так это в том, что не со всем мы должны смириться — излишнее потакание революционности приводит к тирании, а излишнее попустительство развалу создает энтропию, грозящую нашему осмысленному существованию. Таковы феноменология З. Баумана и ее методология анализа повседневности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бауман, З. (2008) Текучая современность / пер. С. А. Комарова ; под ред. Ю. В. Асочакова. СПб. : Питер.

Бергер, П., Лукман, Т. (1995) Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М. : Медиум.

Гидденс, Э. (2004) Ускользящий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь. М. : Весь Мир.

Глобализация и модернизация: образы России в XXI веке (2002) / отв. ред. В. Г. Федотова. М. : ИФ РАН.

Китаева, О. Н. (2011) Региональные проекты модернизации // Знание. Понимание. Умение. № 3. С. 96–101.

Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу (2002) / под общ. ред. А. Харрисона и С. Хантинг-

тона. М. : Московская школа политических исследований.

Меняющаяся социальность: новые формы модернизации и прогресса (2010) / отв. ред. В. Г. Федотова. М. : ИФ РАН.

Федотов, А. Н. (2011а) Экология: от общества риска к экологическому обществу // Знание. Понимание. Умение. № 3. С. 73–81.

Федотов, А. Н. (2011b) Внеэкономический капитал и модернизация // Философия и культура. № 5. С. 86–92.

Федотов, А. Н., Китаева, О. Н. (2013) Новые категории социологии // Знание. Понимание. Умение. № 1. С. 235–238.

Федотова, В. Г. (2005) Хорошее общество. М. : Прогресс-Традиция.

Федотова, В. Г., Колпаков, В. А., Федотова, Н. Н. (2008) Глобальный капитализм: Три великие трансформации. Социально-философский анализ взаимоотношений экономики и общества. М. : Культурная революция.

Щюц, А. (2004) Избранное: Мир, светящийся смыслом. М. : РОССПЭН.

Bauman, Z. (1992) Intimations of Postmodernity. L. ; N. Y. : Routledge.

Bauman, Z. (1993) Postmodern Ethics. Oxford, UK ; Cambridge, MA : Blackwell.

Bauman, Z. (1995) Life in Fragments. Essays in Postmodern Morality. Oxford ; Cambridge, MA : Blackwell.

Bauman, Z. (1997) Postmodernity and Its Discontents. N. Y. : New York University Press.

Bauman, Z. (2008) Does Ethics Have a Chance in a World of Consumers. Cambridge, MA ; L. : Harvard University Press.

Bauman, Z. (2010) 44 Letters from the Liquid Modern World. Cambridge, UK ; Malden, MA: Polity Press.

Friedman, T. (2008) Hot, Flat, and Crowded. Why We Need a Green Revolution and How It Can Renew America. N. Y. : Farrar, Straus and Giroux.

Дата поступления: 22.03.2013 г.

COGNITIVE TOOLS FOR THE ANALYSIS OF THE NEW REALITY OF THE THIRD MODERNITY SOCIETIES

V. G. Fedotova

(The Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences),

L. N. Fedotov, O. N. Kitaeva

(Russian State Social University, Branch in Penza) The paper focuses on cognitive tools for the analysis of the new reality of the societies of the third modernity. Among them, there are concepts proposed by A. Giddens («runaway world») and Z. Bauman

(«liquid modernity») and the phenomenological method of everyday life analysis of the latter.

Keywords: the first modernity, the second modernity, the third modernity, liquid modernity, runaway world, categories, metaphors, the phenomenological method, everyday life, globalization.

BIBLIOGRAPHY (TRANSLITERATION)

Bauman, Z. (2008) Tekuchaia sovremennost' / per. S. A. Komarova ; pod red. Iu. V. Asochakova. SPb. : Piter.

Berger, P., Lukman, T. (1995) Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya. M. : Medium.

Giddens, E. (2004) Uskol'zaiushchii mir. Kak globalizatsiia meniaet nashu zhizn'. M. : Ves' Mir.

Globalizatsiia i modernizatsiia: obrazy Rossii v XXI veke (2002) / otv. red. V. G. Fedotova. M. : IF RAN.

Kitaeva, O. N. (2011) Regional'nye proekty modernizatsii // Znanie. Ponimanie. Umenie. № 3. S. 96–101.

Kul'tura imeet znachenie. Kakim obrazom tsennosti sposobstvuiut obshchestvennomu progressu (2002) / pod obshch. red. L. Kharrisona i S. Khan-tingtona. M. : Moskovskaia shkola politicheskikh issledovaniy.

Meniaiushchiasia sotsial'nost': novye formy modernizatsii i progressa (2010) / otv. red. V. G. Fedotova. M. : IF RAN.

Fedotov, L. N. (2011a) Ekologiya: ot obshchestva riska k ekologicheskomu obshchestvu // Znanie. Ponimanie. Umenie. № 3. S. 73–81.

Fedotov, L. N. (2011b) Vneekonomicheskii kapital i modernizatsiia // Filosofiya i kul'tura. № 5. S. 86–92.

Fedotov, L. N., Kitaeva, O. N. (2013) Novye kategorii sotsiologii // Znanie. Ponimanie. Umenie. № 1. S. 235–238.

Fedotova, V. G. (2005) Khoroshee obshchestvo. M. : Progress-Traditsiia.

Fedotova, V. G., Kolpakov, V. A., Fedotova, N. N. (2008) Global'nyi kapitalizm: Tri velikie transformatsii. Sotsial'no-filosofskii analiz vzaimootnoshenii ekonomiki i obshchestva. M. : Kul'turnaia revoliutsiia.

Shchiuts, A. (2004) Izbrannoe: Mir, svetiashchisia smyslom. M. : ROSSPEN.

Bauman, Z. (1992) Intimations of Postmodernity. L. ; N. Y. : Routledge.

Bauman, Z. (1993) Postmodern Ethics. Oxford, UK ; Cambridge, MA : Blackwell.

Bauman, Z. (1995) Life in Fragments. Essays in Postmodern Morality. Oxford ; Cambridge, MA : Blackwell.

Bauman, Z. (1997) Postmodernity and Its Discontents. N. Y. : New York University Press.

Bauman, Z. (2008) Does Ethics Have a Chance in a World of Consumers. Cambridge, MA ; L. : Harvard University Press.

Bauman, Z. (2010) 44 Letters from the Liquid Modern World. Cambridge, UK ; Malden, MA: Polity Press.

Friedman, T. (2008) Hot, Flat, and Crowded. Why We Need a Green Revolution and How It Can Renew America. N. Y. : Farrar, Straus and Giroux.